

№ 49.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

1915 г.

ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

ЦѢНА 10 к.

ПЕТРОГРАДЪ.

АВГУСТЪ

Стычка французскихъ военныхъ автомобилистовъ съ отрядомъ нѣмецкихъ улановъ.

Условия подписки

съ доставкой и
пересылкой по
всей Россіи:
на годъ . 4 р. — к.
1/2 года 2 — .
1 мѣс. — „ 30 .
Перем адреса 25 к.
Непринятые рукописи
не возвращаются.

ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

Тарифъ объявленій:

За стро , nonpa-
рели въ 1 стол-
бецъ:
(1/4 шир. стран.)
впер. текста . 90 к.
позади . . 60 .
Постоянные заказы по
соглашенію.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 49—1915 г. Главная контора журнала: Петроградъ, 7-я Рождественская, 30. Августъ.

ЧЕМПИОНЪ РОССИИ.

Разсказъ Льва Гумилевскаго.

I.

Зарылись въ окопы и стали ждать.

Это нудное сидѣнье въ сырѣмъ рву утомляло Ивана Крынку больше, чѣмъ всѣ сдѣланные переходы, безпокойло и томило больше, чѣмъ мысли о смерти, визжавшей надъ окопами въ тысячахъ пуль и снарядовъ, наполнявшихъ воздухъ стонами, смѣхомъ и криками какого-то бѣшеннаго урагана, несшагося къ нимъ черезъ поле.

Крынка, то чистилъ винтовку, ржавѣвшую отъ сырости, то по старой привычкѣ упражнялъ свои мускулы, которыми такъ красиво и прочно было налито все его тѣло, то просто безразлично вытягивался на соломѣ, лежалъ и думалъ. Но думать ему было трудно и процессъ мышленія у него быстро переходилъ въ цѣлый рядъ воспоминаній о своей небольшой, но странно пестрой, какой-то особенно живой жизни.

Больше всего оставилъ воспоминаній тотъ циркъ, куда онъ мальчонкой сбѣжалъ отъ побоевъ мастера-сапожника и первые уроки циркового атлета Гросса, взявшаго его на свое попеченіе и при помощи воздѣйствій

палки наливаваго его тѣлуце вотъ этими мускулами. Потомъ слава, маленькая слава въ цирковомъ мірѣ, званіе чемпиона, и веселая нарядная жизнь, обласканная влюбленно томными и манящими глазами женщинъ.

— Да слава Богу пожить... — думалъ Крынка и волнуемый воспоминаніями вскакивалъ и опять ложился, оглянувшись на земляныя стѣны рва.

— Ну нѣмцы... проклятые... Ужъ я вамъ покажу!.. Ужъ я покажу!.. Только бы въ атаку пойти...

Во всемъ, что происходило, виноваты были только нѣмцы, и ненавидѣлъ ихъ Крынка всѣмъ своимъ существомъ. Постоянно чувствовалъ къ нимъ глухую злобу и ждалъ только одного—сойтись съ ними лицомъ къ лицу и вылить на комъ-то свою ненависть и злобу.

Оттого его не радовали взгляды солдатъ, восхищенно осматривавшихъ его мускулы. Они обступали его кругомъ, просили показать силу, поддразнивали и все такъ же восторженно и любовно осматривали его съ ногъ до головы и любовались его фигурой.

— Охъ и богатырь же ты Крынка, — говорили они съ восторгомъ, — охъ и силага... Вотъ бы тебѣ поработать штыкомъ то... А...

Чуть чуть прояснялся у Крынки скучающій взоръ: — Поработаю... Попомнѣть же они меня... Только бы мнѣ до нихъ добраться...

И Крынка сжималъ огромные кулаки, покачивалъ упрямой головой на короткой, толстой шеѣ. Глядя на него становилось жутко за эту его рѣшимость, за эту его упрямую силу, которой онъ владѣлъ какъ-то особенно легко и свободно.

— Вотъ скоро въ атаку пойдемъ, — говорили солдаты.

Крынка терпѣливо ждалъ и шепталъ про себя:

— Ну и пойдемъ, пойдемъ... Посмотримъ!

II.

Нѣмцы предупредили атаку.

Въ предразсвѣтномъ туманѣ жуткою, темною массой, какъ одно громадное чудовище, поползли они къ русскимъ окопамъ. Окопы затихли, точно замерли въ ожиданіи врага. Спокойно прозвучали слова команды:

— Не стрѣлять до приказа...

Солдаты судорожно сжали руками винтовки и стали цѣлиться напрягая зрѣніе, пристально всматриваясь въ наползавшую массу людей, торопившуюся очевидно, использовать молчаніе русскихъ окоповъ.

— Отчего же не стрѣлять? — волновался Крынка, — почему не выйти къ нимъ навстрѣчу, да взять въ штыки...

Но тутъ же онъ понялъ. Когда на разстояніи прицѣла, взятаго окопами, очутились враги, послышалась команда стрѣлять. Точно неприступной стѣной перегра-

Въ резервѣ. Фотографія.

Завоеватели въ монастырь. (Изъ войнъ средневѣковья). Картина Г. Гаупъ.

дили тысячи взвизгнувшихъ пулъ тутъ наступающимъ нѣмцамъ. Сквозь дымъ и воздухъ, трепетно струившійся отъ содрогавшихъ его выстрѣловъ, чуть видны были колонны врага, какъ-то странно первыми рядами своими припадавшія къ землѣ и уже не встававшія. Маленькими игрушечными фигурками казались эти падающіе люди передъ какой-то невидимой чертой, перекатывавшіеся густыми рядами черезъ упавшіе ряды.

— Здорово — подумалъ Крынка, — попытайте-ка.. Лѣзьте-ка...

Но нѣмцы съ огромнымъ урономъ прошли черезъ стѣну пуль и двинулись дальше. Тогда раздалась новая команда и ее съ ревомъ повторили солдаты:

— Въ атаку.. Въ атаку... Ура..

И захваченный однимъ съ ними безумнымъ порывомъ, словно опьяненный самимъ воздухомъ, пропитаннымъ гуломъ торжествующихъ криковъ и выстрѣловъ, Крынка слился въ общей массѣ, двинувшихся навстрѣчу врагу солдатъ. Онъ уже ничего не помнилъ, ничего не понималъ, стараясь только выбиться въ первые ряды, стараясь кричать громче другихъ.

И какъ два лютыхъ чудовища въ одномъ порывѣ движенія — столкнулись враги...

У Крынки неожиданно легко сломался штыкъ на винтовкѣ. Онъ даже не понялъ отчего это случилось и только торопливо и досадливо отбросилъ наваливавшегося на него нѣмца, съ этимъ обломкомъ штыка, торчавшаго въ окровавленной груди. Потомъ быстро перевернулъ винтовку и, нѣсколькими тяжелыми ударами приклада, расчистилъ вокругъ себя толпу нападающихъ.

Затѣмъ Крынка совсѣмъ близко отъ себя нечаян-

нымъ взглядомъ увидѣлъ сломанное орудіе, радостно гикнулъ и метнулся къ нему, ища какого-нибудь оружія для себя. Подобралъ тяжелую кованную оглоблю и съ этимъ оружіемъ, обрадовавшись своей неожиданной находкѣ, двинулся въ самую густую толпу.

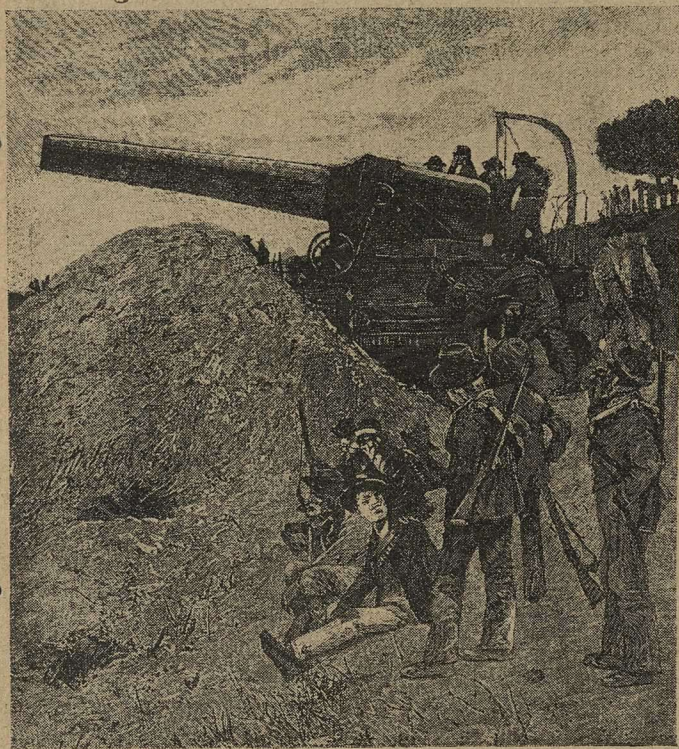
Съ страшною силой, медленными, тяжелыми поворотами расчищалъ онъ ея путь передъ собой, прочно упираясь въ землю ногами, чувствуя какъ горячо разливается у него кровь по тѣлу и душитъ его вмѣстѣ съ гнѣвомъ и ненавистью радостное торжество надъ врагомъ. И видъ этого дикаго оружія въ рукахъ Крынки и колоссальная фигура самого богатыря смутили нѣмцевъ, ошеломили ужасомъ нечеловѣческой силы, невѣроятностью того, что они видѣли.

И тѣ, кто стоялъ ближе къ нему не выдержали этого ужаса и побѣжали отступая, смущая и увлекая другихъ за собой.

А Крынка все наступалъ, вращая оглоблей, ничего не видя ничего не слыша. И только когда его оружіе перестало встрѣчать сопротивленіе человѣческихъ тѣлъ, онъ началъ что-то соображать, выпустилъ оглоблю изъ рукъ, потомъ съ недоумѣніемъ оглянулся вокругъ, улыбнулся убѣгающему врагу и вдругъ отъ чего-то внутри его поднявшагося и заставшаго его туманомъ глаза, тяжело повалился на землю.

Огненные круги съ невыносимою болью и быстротой завертѣлись у него передъ глазами, точно вращались они въ самой глубинѣ мозга, унося съ собой частицы его, путая все и уничтожая самое сознаніе.

И Крынка, тяжело повернувшись, точно стараясь уйти отъ этого ощущенія прижался горящимъ лицомъ

Осадное орудіе буровъ передъ Ледисмитомъ.

къ холодной, сырой землѣ и замеръ неподвижно, не чувствуя освѣжающаго холодка прикосновенія.

Къ нему подошли, подняли, осмотрѣли. Ранѣ не было. Недоумѣвая понесли его на перевязочный пунктъ.

Докторъ осмотрѣлъ внимательно это громадное тѣло и покачалъ головой:

— Рызрывъ сердца... Параличъ!.. Это такъ сказать, ихъ профессиональная смерть...

Левъ Гумилевскій.

КАЗНЬ ВИЗИРЯ.

(Турецкій историческій рассказъ).

Никогда никто не видѣлъ посланія, подобнаго полученному султаномъ Селимомъ Ш отъ Карскаго пашы.

Это странное посланіе состояло изъ восьми знаковъ, составлявшихъ два слова, полныя ужаснаго значенія, и, читая его, султанъ пришелъ въ страшную ярость.

Эти два слова были произнесены утромъ, при восходѣ солнца, пашею Карса, а вечеромъ въ этотъ часъ, когда лучи заходящаго солнца золотили верхушки минаретовъ и мечетей Стамбула, побѣдоносный Селимъ со страхомъ повторялъ ихъ въ своемъ дворцѣ.

Утромъ, по приказанію пашы, часовой, неподвижно стоявшій на зубцѣ крѣпости Карса, взялъ обѣими руками свой длинный черный плащъ и махнулъ имъ по воздуху.

Солдатъ на слѣдующемъ сторожевомъ посту сдѣлалъ то же самое, и на протяженіи всей горной цѣпи, до самаго Скутари, развѣвались въ воздухѣ черные плащи.

Писарь султана, стоявшій на самой высокой башнѣ сераля и внимательно смотрѣвшій на горизонтъ, увидя этотъ сигналъ, написалъ на пергаментѣ букву Б.

Затѣмъ часовой Карса, вывернулъ свой плащъ махнулъ въ воздухѣ ярко красной подкладкой.

На разстояніи отъ Кавказа до Золотого Рога сотни красныхъ плащей взвились въ воздухѣ, и слуга султана, видя этотъ знакъ, написалъ на своемъ пергаментѣ букву А.

Въ продолженіе цѣлаго дня, на горныхъ вершинахъ продолжали развиваться то красные то черные плащи, слѣдующія условіямъ этой оригинальной азбуки.

«Бару жокъ» — порохъ вышелъ — сообщалъ паша.

Извѣстіе было чрезвычайно важно; если Карскій паша не имѣлъ больше пороха, то какимъ образомъ удастся ему отразить нападеніе русскихъ?

Значить ему придется сдаться, и Карсъ, этотъ ключъ Кавказа, очутится въ рукахъ солдатъ Екатерины Великой. Бѣдный секретарь Селима съ ужасомъ думалъ о послѣдствіяхъ этого извѣстія, направляясь медленными шагами въ покои своего повелителя.

И не дармъ боялся онъ — несчастный писарь; взглянувъ на пергаментъ, султанъ пришелъ въ страшную ярость и, первымъ дѣломъ, приказалъ дать писарю сорокъ палочныхъ ударовъ, по пяти съ каждой буквы...

Наказаніе секретаря не смирило нѣтъ султана, и онъ велѣлъ позвать своего великаго визиря.

Великій визирь назывался Ибрагимомъ.

Вошелъ онъ, согнувшись, съ безчисленными поклонами.

— Измѣнникъ! — съ чувствомъ воскликнулъ падишахъ; — такъ-то ты заботишься о славѣ моей арміи! Какъ могло случиться, что начальникъ такой важной крѣпости, какъ Карсъ, ощущаетъ недостатокъ въ порохѣ?

— Это, вѣроятно, происходитъ отъ того, что онъ истратилъ послѣдній зарядъ, — замѣтилъ визирь, не смѣя поднять головы.

— Ты говоришь вздоръ, Ибрагимъ, — возразилъ Селимъ. — Если у Карскаго пашы нѣтъ пороха, значитъ, онъ не имѣетъ достаточно денегъ, чтобы его купить, а потому завтра съ восходомъ солнца ты пошлешь ему тысячу кошельковъ золота.

— У меня есть, конечно, — сказалъ визирь, — тысяча кошельковъ, но откуда я возьму золота, чтобы наполнить ихъ?

— Это меня не касается! — сказалъ Селимъ.

Очень довольный тѣмъ, что отдѣлался дешево, великій визирь, выйдя изъ дворца, направился къ жилищу персіянина Гассана, у котораго надѣялся занять нужную ему тысячу кошельковъ.

Великій визирь далъ расписку на двѣ тысячи кошельковъ и получилъ подъ нее тысячу шестьсотъ.

Придя къ себѣ, Ибрагимъ взялъ шестьсотъ лишнихъ кошельковъ и спряталъ ихъ въ диванъ.

Онъ поглядѣлъ на остальные кошельки и сказалъ себѣ: «Неужели этому золоту предназначено обратиться въ порохъ, который будетъ истребленъ пушками?.. И я ничего не сдѣлаю, чтобы помѣшать этому варварству! Если я не могу спасти всѣхъ кошельковъ, я спасу хотя нѣкоторые изъ нихъ».

И въ одну минуту пятьсотъ кошельковъ присоединились къ шестистамъ, спрятаннымъ въ диванъ.

Затѣмъ онъ передалъ пятьсотъ кошельковъ казначею для отправки въ Карсъ. Какъ только казначей

получить деньги ему пришла в голову мысль, похожая на размышления визиря:

«Клянусь Аллахомъ,—подумалъ онъ,—если Карскій паша не дуракъ, то онъ сумѣетъ сберечь свои военные припасы... Въмѣсто того, чтобы пускать заряды на широкомъ разстояніи, онъ долженъ ближе подпускать врага; при такихъ условіяхъ зарядъ, уменьшенный на половину въ объемъ произведетъ достаточное разрушеніе. Двѣсти пятьдесятъ кошельковъ я оставлю у себя, и двѣсти пятьдесятъ честно отошлю».

Начальникъ каравана, въ свою очередь, разсудилъ такимъ образомъ:

«Двѣсти пятьдесятъ кошельковъ слишкомъ тяжелая ноша для одного верблюда и слишкомъ легкая для

Спустя восемь дней, паша Карса послалъ султану Селиму новое лаконическое и ужасное посланіе.

Въ этотъ разъ плащи часовыхъ недолго развѣвались между вершинами Кавказа и башнею Константинополя.

Нѣсколько знаковъ оказалось достаточно, чтобы сообщить повелителю правовѣрныхъ роковое извѣстіе: «Карсъ взятъ»...

Несчастнаго пашу вытребовали въ Константинополь и, заковавъ въ цѣпи, посадили въ тюрьму.

Когда, наконецъ, его потребовали къ султану, паша, не сморгнувъ, а главное, не возражая ни слова, выслушалъ потокъ брани и упрековъ; затѣмъ, онъ началъ защищаться храбро и откровенно:

Сраженіе подъ Кульмою. Картина проф. Тимма.

двухъ. Какъ вѣрный послѣдователь Пророка, я не смѣю мучить животныхъ. Слѣдовательно, мой долгъ раздѣлить эту сумму пополамъ».

Такъ и было сдѣлано.

Янычаръ, сопровождавшій съ нѣсколькими солдатами верблюда, нагруженнаго ста двадцатью пятью кошельками, нашель лишнимъ утруждать свой умъ приисканіемъ предлоговъ, и, не долго думая, взялъ себѣ половину и безъ того уже сильно уменьшившагося сокровища.

Пріѣхавъ въ Карсъ, онъ положилъ къ ногамъ паши шестьдесятъ два съ половиною кошелька, жалкіе остатки, уцѣлѣвшіе среди превратностей путешествія.

Ты говоришь, повелитель, что послалъ мнѣ тысячу кошельковъ для покупки военныхъ припасовъ. Конечно, если-бы я ихъ получилъ, то могъ-бы запастись порохомъ и нанести пораженіе русскимъ. Но, клянусь Кораномъ, я получилъ только шестьдесятъ два съ половиною кошелька. Тутъ скрывается тайна, могущая съ перваго взгляда показаться необъяснимой, но, подумавъ немного, легко найти разгадку. Ты, дѣйствительно, приказалъ выдать тысячу кошельковъ, но до меня дошли только шестьдесятъ два съ половиною; это произошло отъ того что первоначальную сумму четыре раза дѣлили пополамъ. Другими словами — тебя обокрали четыре раза, могущественный падишахъ. Теперь, если ты хо-

чешь знать воровъ, то это очень легко. Это тѣ, черезъ руки которыхъ прошли деньги. Первый, навѣрно, великій визирь, взявшій пятьсотъ кошелковъ; второй — казначей утаившій двѣсти пятьдесятъ; третій — начальникъ каравана, и, наконецъ, четвертый — янычарь конвоя, оставившій при себѣ шестьдесятъ два съ половиною кошелька.

Во время всего разсказа, спокойнаго и точнаго, султанъ Селимъ оставался неподвиженъ.

Совершенно спокойнымъ голосомъ Селимъ сказалъ: — Хорошо, Али, ты храбрый солдатъ, вѣрный слуга и честный человекъ. Ты опять войдешь ко мнѣ въ милость, и я тебѣ возвращу всѣ твои прежнія привилегіи. Что-же касается этого Ибрагима, перваго и крупнѣйшаго вора изъ всѣхъ четырехъ, то онъ дорого заплатитъ за свой безчестный поступокъ. Ты пойдешь къ нему сегодня вечеромъ до наступленія часа молитвы и передашь ему отъ меня этотъ красный шнурокъ. Онъ пойметъ. Иди!

Въ своемъ роскошномъ дворцѣ, сады котораго спускались террасами къ морю, отдыхалъ великій визирь Ибрагимъ, сидя на пяткахъ на грудѣ подушекъ.

Вдругъ тяжелая занавѣсъ, скрывавшая дверь, поднялась, и на порогъ показался Али-паша..

Молитва турецкихъ войскъ на Кавказскомъ фронтѣ.

При появленіи того, кого онъ считалъ погребеннымъ, на много лѣтъ въ темницѣ, у Ибрагима явилось мрачное предчувствіе.

— Желая, чтобы твой послѣдній часъ окончился хорошо, — торжественнымъ голосомъ проговорилъ Али.

Ибрагимъ не ошибся въ смыслѣ этихъ словъ; онъ зналъ, что входившій къ нему и привѣтствовавшій его такимъ образомъ могъ только быть исполнителемъ смертнаго приговора; въ складкахъ его кафтана долженъ скрываться этотъ ужасный красный шнурокъ — обычное для пашей орудіе справедливости султана.

Однако, ни одинъ мускулъ не шевельнулся въ лицѣ Ибрагима; только въ его глазахъ вспыхнулъ какой-то странный огонекъ.

— Да будетъ воля Аллаха! — хладнокровно сказалъ онъ. — Аллахъ могущественъ, и мы передъ нимъ лишь презрѣнные черви. Окажи мнѣ услугу въ послѣдній разъ и позволь докончить мои молитвы и омовеніе.

— Прости меня, — отвѣтилъ Али. — Полученныя мною приказанія должны быть исполнены въ точности. Я не смѣю покинуть тебя ни на одну минуту.

— Я не думаю о бѣгствѣ, — возразилъ Ибрагимъ, — хотя тяжело разставаться съ жизнью, не простив-

шись съ женой и дѣтьми. Успокойся, Али, тебѣ не долго придется ждать; будь такъ добръ присѣсть на минуту.

Онъ три раза хлопнулъ въ ладоши. Два раба явились на этотъ зовъ; ихъ черныя лица стали пепельными отъ страха.

Дрожа всѣми членами, они принесли кувшинъ, тазъ и коврикъ для молитвы.

Тогда Ибрагимъ снялъ свой плащъ и медленно принялся за омовеніе.

Въ ту минуту, какъ великій визирь окуналъ свою голову въ чашу, Али вытащилъ изъ кафтана шнурокъ и передалъ его одному изъ рабовъ.

Рабъ молча склонился; онъ не нуждался въ объясненіяхъ.

Великій визирь, окончивъ свое омовеніе, направился тихими шагами къ молитвенному коврику и сталъ на него.

Онъ медленно поднялъ руки, закрылъ уши ладонями. Его можно было принять за статую размышленія, такъ прямо и неподвижно стоялъ онъ.

Одни его черные глаза, съ пронизательнымъ и чарующимъ взглядомъ, странно блеснули въ темнотѣ, казавшейся еще гуще благодаря закрытымъ окнамъ.

Глаза его устремились на Али-пашу, и бѣдный мусульманинъ не зналъ, чему приписать эту странную позу.

«Зачѣмъ — спрашивалъ себя Али, — глаза его такъ пристально устремлены на меня?».

Бѣдный паша не долго оставался въ недоумѣніи; мало по малу странное блаженство охватило его; ему казалось, что его умъ и сердце отдѣлялись отъ всего земного и витали въ пространствѣ, тихо укачиваемые благовоннымъ дуновеніемъ вѣтерка.

Глаза его медленно закрылись и голова склонилась на грудь; онъ спалъ глубокимъ сномъ.

Ибрагимъ попрежнему стоялъ на молитвѣ; долго еще его суровый, сосредоточенный взглядъ покоился на спящемъ пашѣ.

Наконецъ, онъ подошелъ къ посланному султану.

— Онъ спитъ, — радостно воскликнулъ великій визирь.

Затѣмъ, сѣвъ на диванъ противъ своей жертвы и не спуская съ нея глазъ, началъ говорить медленнымъ голосомъ, очевидно, желая, чтобы слова врѣзались въ память его спящаго слушателя:

— Когда я сообщилъ Ибрагиму роковое извѣстіе, онъ началъ совершать омовеніе и затѣмъ долго молился.

Окончивъ свою молитву, онъ сѣлъ на диванъ и взявъ веревку изъ рукъ раба, самъ сдѣлалъ петлю и надѣлъ себѣ на шею. Посмотрѣвъ на меня въ послѣдній разъ, онъ скрестилъ руки на груди и подаль знакъ рабамъ; они схватили концы и стали тянуть изъ всѣхъ силъ.

Картина была ужасная; лицо его распухло, сперва сдѣлалось краснымъ, и потомъ приняло лиловый оттѣнокъ; глаза, выкатившіеся изъ орбитъ, продолжали смотрѣть на меня; изо рта высовывался черный, неподвижный языкъ.

Рабы удвоили усилія; можно было подумать, что душа этого преступника не хотѣла разстаться со своей земной оболочкой.

Наконецъ, послѣднее содроганіе, послѣдняя конвульсія, голова опрокинулась, руки безжизненно опустились... все было кончено!!

Одинъ изъ рабовъ развязалъ шнурокъ.

Вступленіе Веллингтона въ крѣпость Бадахось. — Картина Р. Катонъ Вудвилля.

Веллингтонъ — знаменитѣйшій англійскій полководецъ — былъ поистинѣ злымъ гениемъ Наполеона. Можно сказать, что именно съ первыхъ побѣдъ Веллингтона надъ французскими войсками въ Португаліи — начались пораженія непобѣдимыхъ до сихъ поръ армій великаго корсиканца. Какъ извѣстно, въ іюль 1808 г. Англія послала въ Португалію вспомогательное войско, подъ начальствомъ генерала Веллеса (впослѣдствіи графа, а затѣмъ герцога Веллингтона) — для вытѣсненія изъ Португаліи французскихъ войскъ. Съ этихъ поръ, вплоть до 1819 г., слѣдуетъ рядъ блестящихъ побѣдъ Веллингтона надъ французскими войсками, — несмотря на то, что послѣдніе находились подъ начальствомъ такихъ опытныхъ и знаменитыхъ полководцевъ, какъ Делабордъ, Сультъ, Массена, Мармонъ, Дюбретонъ. Слѣдствіемъ этихъ побѣдъ было совершенное очищеніе Пиренейскаго полу-

острова отъ французскихъ войскъ. Не только Португалія, но и Испанія избавились почти окончательно отъ французскаго нашествія. Затѣмъ идетъ рядъ пражений, нанесенныхъ Веллингтономъ французской арміи уже на французской территоріи — до окончательнаго пораженія самаго Наполеона и заключенія его на островъ Эльбу. Впослѣдствіи же, когда Наполеонъ бѣжалъ съ острова Эльбы, Веллингтонъ, вмѣстѣ съ Блюхеромъ, нанесъ ему окончательное пораженіе при Ватерлоо.

Картина Вудвилля представляетъ эпизодъ изъ освободительной войны Веллингтона въ Испаніи. 7 апрѣля 1812 года, послѣ смѣлаго приступа, солдаты Веллингтона взяли сильную крѣпость Бадахось, занятую французами. Веллингтонъ, одинъ, черезъ груды тѣлъ, вошелъ въ крѣпость, восторженно привѣтствуемый своими храбрыми солдатами.

Ваша справедливость удовлетворена, могущественный султанъ!

Окончивъ свои слова, Ибрагимъ растянулся на землѣ, нубіецъ накрылъ его плащомъ и, подойдя къ Али, дунулъ ему два раза въ лицо.

Проснувшись, паша обвелъ комнату мутнымъ взоромъ, какъ человѣкъ, не понимающій, въ чемъ дѣло.

Рабъ низко склонившись передъ нимъ, подаль ему красный шелковый шнурокъ.

Это совершенно отрезвило посланнаго султана; взявъ съ отвращеніемъ шнурокъ, онъ его спряталъ за кушакъ.

Вставъ, онъ мелькомъ взглянулъ на человѣческую фигуру, лежавшую на полу, и поспѣшно направился къ двери.

— Прости, господинъ, — сказалъ старый негръ, удерживая пашу за полу его одежды, — развѣ ты не хочешь на него взглянуть?

— Ни за что, — воскликнулъ Али, — я способенъ лишиться сна на всю жизнь.

— Миръ ему, — сказалъ Селимъ, выслушавъ донесеніе своего вѣрнаго слуги о смерти великаго визиря.

— И ты говоришь, что агонія была тяжелая, — продолжалъ падишахъ?

— Ужасная, мой повелитель, казалось, что онъ обладалъ, по крайней мѣрѣ, семью душами, ни за что не хотѣвшими разстаться со своей земной оболочкой.

Въ 12 часовъ ночи, когда луна уже скрыла за горы свой посеребренный дискъ, легкая барка съ темными па-

русами быстро и безшумно скользила по тихим волнамъ Босфора.

На палубѣ, окруженный своими женами и дѣтьми, сидѣлъ бывший великій визирь Ибрагимъ.

— Сознайся, моя добрая Кадиля, — сказала Ибрагимъ, — что съ моей стороны было бы очень глупо, умереть изъ-за какихъ-то пятисотъ кошельковъ. Положительно я сдѣлалъ хорошее дѣло, купивъ тебя на рынкѣ

въ Каирѣ; по крайней мѣрѣ, ты мнѣ открыла тайну египтянокъ, благодаря которой можно однимъ взглядомъ усыпать чловѣка. Это совсѣмъ не трудно, и я удивляюсь, что такъ мало людей владѣютъ этимъ секретомъ.

Съ этими словами Ибрагимъ растянулся на циновкахъ и заснулъ сномъ праведника...

На волосокъ отъ плѣна.

(Эпизодъ на Черномъ морѣ).

Н. Чоглоковъ въ одномъ изъ своихъ интереснѣйшихъ историческихъ очерковъ сообщаетъ любопытный фактъ, какъ вслѣдствіе совершенно неустрашимой причины, именно — не въ мѣру расходившейся стихійной силы, покойный императоръ Николай I во время турецкой войны 1828 года едва не сдѣлался непріятельскимъ плѣнникомъ.

Не перемѣнись во время вѣтеръ и не будь у командира корабля, на которомъ перѣзжалъ изъ-подъ крѣпости Варны въ Одессу императоръ, достаточной опытности въ морскомъ дѣлѣ и энергіи, результаты путешествія могли быть очень несчастны.

Случай захвата нашего судна турками уже однажды имѣлъ мѣсто въ царствованіе императрицы Екатерины II, когда сильнымъ и продолжительнымъ штормомъ 64-пушечный корабль «Марія Магдалина», лишенный мачтъ и руля, занесенъ былъ вѣтромъ въ Босфоръ и здѣсь достался въ руки непріятеля. Командиръ «Маріи Магдалины», капитанъ 1-го ранга, англичанинъ Тиздель, офицеры и команда корабля пробыли въ плѣну около 5 лѣтъ; объ этомъ плѣнѣ Тиздель оставилъ любопытныя записки, публикѣ мало извѣстныя, т. к. онѣ печатались въ специальномъ журналѣ «Морскій Сборникъ» въ началѣ 60 годовъ.

Желая лично руководить осадой Варны, императоръ Николай I, 27 августа 1828 года, прибылъ ко флоту, стоявшему подъ Варной и съ 25 июля уже бомбардировавшему

крѣпость, и находился здѣсь до самаго конца осады, послѣдовавшаго 29 сентября того же года.

Послѣ паденія названной крѣпости государь хотѣлъ сухимъ путемъ отправиться въ Одессу, но

Германское правительство изготавляетъ фальшивые франки, стерлинги и рубли. (изъ газетъ).

КАЙЗЕРЪ. Ну, сынокъ, денегъ надѣлали! Можно продолжать войну. Одно меня беспокоитъ, это — сбытъ фальшивыхъ монетъ!

КРОНПРИНЦЪ. Въ этомъ, фатеръ, положишься на меня.

такъ какъ вслѣдствіе осеннихъ дождей, дороги оказались размытыми, то императоръ перемѣнилъ первоначальное намѣреніе, и 2 октября перѣхалъ съ корабля «Парижъ» на 84-пушечный корабль «Императрица Марія», находившійся подъ командой опытнаго, испытаннаго моряка, капитана 1 ранга Григорія Аргировича Папа-Христо.

Въ 3 часа пополудни корабль снялся съ якоря и, подгоняемый тихимъ попутнымъ вѣтромъ, пошелъ по назначенію къ Одессѣ.

Если-бъ вѣтеръ не измѣнился, переходъ окончился-бы очень скоро, но ровно въ полночь онъ неожиданно отъ SSW перешелъ къ NNW и въ то же время съ сѣверо-востока стала показываться зыбь, предвѣстница шторма. Утромъ ни яхты

«Утѣха», ни парохода «Метеоръ», вышедшихъ одновременно съ «Императрицей Маріей», уже не было видно: ихъ разбросало волной. Въ полдень произошла вторая перемѣна вѣтра на сѣверной, а затѣмъ и на слабый сѣверо-западный. Но 4 октября задулъ сильный вѣтеръ, сопровождаемый дождемъ, и перешедшій вскорѣ уже въ настоящій штормъ, такъ что Папа-Христо счелъ необходимымъ убрать лишніе паруса, и скоро «Императрица Марія» неслла только штормовые косые паруса, такъ-называемые стакселя; и уже имѣла поломки въ рангоутѣ. Проходили часы. Погода все ухудшалась тоже. Съ изломаннымъ рангоутомъ, почти безъ парусовъ, а слѣдовательно предоставленный, такъ сказать, на волю вѣтра, онъ близился къ аvarіи. Еще немного времени, и пришлось-бы бросить якоря и въ нихъ единственно искать спасенія. Казалось, что только чудо можетъ спасти судно отъ гибели. Кто

плавалъ по Черному морю въ осеннее время, тотъ хорошо знаетъ, что за страшныя бури разыгрываются тогда на немъ. Недаромъ-же оно называется Чернымъ, по-турецки «кара», — черный, злой.

Высокія волны громадными отвѣсными стѣнами, становились кругомъ бѣдствующаго русскаго корабля и потомъ, сдвигаясь, обруши-

вались на его борта; со всеокрушающей силой, смывая все попавшееся имъ на пути. Многіе изъ лицъ государевой свиты, неприличные къ морю; лежали въ припадкѣ морской болѣзни, совершенно упавъ духомъ. Одинъ государь; привыкшій къ морю и любившій флотъ, да командиръ «Маріи» Г. А. Пача-Христо сохраняли самообладаніе и спокойствіе.

Не горячася и не торопясь отдавалъ Папа-Христо въ рупоръ приказанія офицерамъ и командѣ вѣреннаго ему судна, помнившимъ о той великой отвѣтственности, какая налагалась на нихъ присутствіемъ на кораблѣ императора.

Нѣкоторые изъ генераловъ, сопровождавшихъ государя, порывались было вмѣшиваться въ распоряженія командира и давали ему разные совѣты, иногда совершенно невыполнимые. Больше того: пробовали даже измѣнять приказанія Г. А. и, наконецъ-таки; вынудили его въ рѣшительныхъ выраженіяхъ попросить совѣтчиковъ не вмѣшиваться не въ свое дѣло.

Старый, опытный морской волкъ Папа-Христо напомнилъ и Николаю Павловичу, что на кораблѣ, вѣренный ему его величествомъ, онъ одинъ начальникъ и глава.

— Ваше величество — сказалъ онъ, когда государь вышелъ на палубу и что-то приказалъ, — здѣсь командиромъ и хозяиномъ судна капитанъ 1 ранга Папа-Христо, и никто, даже ваше императорское величество не можете безъ меня дѣлать своихъ распоряженій.

— Твоя правда, — отвѣчалъ государь, — и дѣлай какъ знаешь, и будемъ надѣяться на милость Божию.

Между тѣмъ, буря нисколько не утихла. Къ тому же сильно сгустился туманъ. Корабль попрежнему имѣлъ громадный дрейфъ, и вотъ Папа-Христо, къ ужасу своему сталъ понимать, куда гонится вѣтромъ «Императрица Марія»: корабль несло къ турецкимъ берегамъ.

Легко себѣ представить, какъ это открытіе поразило стараго служаку. Тѣмъ не менѣе онъ не нашелъ возможнымъ скрывать отъ Николая Павловича опасность положенія и доложилъ государю.

— Богъ поможетъ намъ, — твердо сказалъ императоръ, — Я вѣрю въ милость Его. — Бывшему же при этомъ графу Бенкендорфу замѣтилъ: — Петръ Великій, навѣр-

ное, не отдался бы въ плѣнъ живымъ.

А «Императрицу Марію» попрежнему било волнами и гнало впередъ. Обрывки такелажа и разбитый рангоутъ, убрать которые не было никакой возможности, сильно мѣшали работамъ по управленію кораблемъ, но Папа-Христо и его подчиненные прилагали всѣ свои знанія и силы, чтобы выйти побѣдителями изъ непосильной борьбы со стихіей. Командиръ «Маріи» ни на минуту не покидалъ своего поста и точно приросъ къ капитанскому мостику.

Наконецъ положеніе дѣла начало, какъ будто, нѣсколько улучшаться. Вѣтеръ сразу перешелъ къ сѣверу и, такимъ образомъ, явилась надежда укрыться въ Инарѣ, а когда задулъ нордъ-остъ, представилась возможность войти въ одинъ изъ крымскихъ портовъ. Но государь приказалъ продолжать путь къ Одессѣ.

5 октября все время висѣвшій надъ водою густой туманъ понемногу сталъ разсѣиваться, а вѣтеръ, къ общей радости, стихать; что дало возможность прибрать и очистить палубу и поставить гротъ, фокъ и зарифленый гротъ-марсель, а затѣмъ марсель и взять прямой курсъ на Одессу.

Богъ помогъ въ опасности русскому царю, и 8 октября «Импера-

трица Марія» вошла въ одесскую гавань.

Оставляя корабль, на которомъ пришлось испытать столько тревожныхъ минутъ, императоръ Николай Павловичъ въ милостивыхъ словахъ благодарилъ командира, офицеровъ и команду за честное и ревностное исполненіе ихъ служебнаго долга.

На томъ мѣстѣ въ одесской практической гавани, гдѣ императоръ снова вступилъ на родную землю, по настоящее время лежитъ вдѣланная въ камень доска, съ соотвѣтствующей надписью.

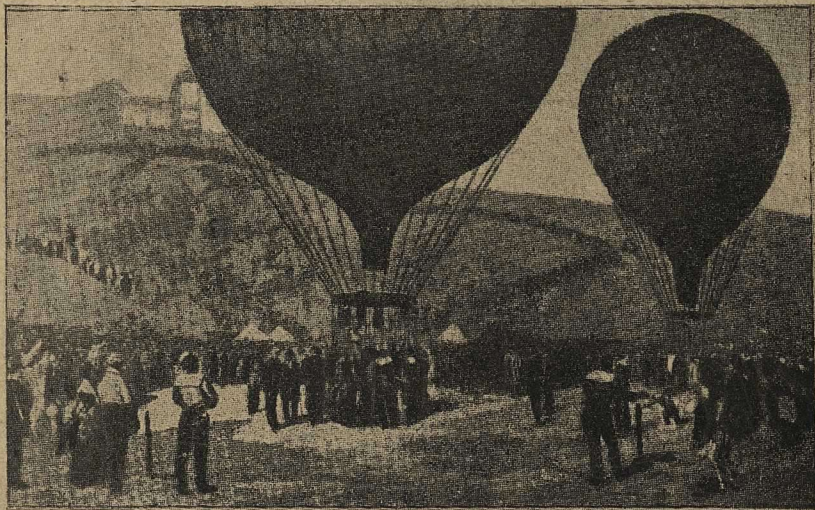
ПИСЬМО ПОДЪ МАРКОЙ.

По сообщенію канадской прессы, одинъ изъ жителей Винзора, въ Онтарио, получилъ отъ пріятеля въ Берлинѣ письмо, въ которомъ говорится, что жизнь тамъ веселая, а населеніе счастливо, несмотря на войну.

Авторъ въ письмѣ совѣтуетъ получателю сохранить военную марку на память.

Подъ маркой написано: «Не вѣрьте ни одному слову, все ложь, мыдохнемъ съ голоду».

ИЗЪ ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЫ.

Отправление воздушныхъ шаровъ съ почтой изъ предмѣстій осажденнаго пруссаками Парижа въ 1871 г.

Статуя Венеры Милосской во время осады Парижа.

(Изъ воспоминаній Крессона, бывшаго во время осады Парижа полицейскимъ профектомъ столицы).

Въ этихъ запискахъ мы, между прочимъ, находимъ подробный рассказъ о томъ, какія мѣры были приняты къ охранѣ знаменитой статуи Венеры Милосской, хранящейся обычно въ Луврѣ и представляющей величайшее художественное сокровище Франціи.

Статуѣ угрожали и бомбы пруссаковъ, и сами пруссаки. Бомбы, производившія страшныя опустошенія въ городѣ, могли разбить эту драгоценную статую, а пруссаки послѣ взятія города могли забрать статую въ качествѣ военной добычи.

Надо было заблаговременно принять охранныя мѣры противъ того и другого бѣдствія.

И вотъ 6-го января 1871 г. тогдашній министръ искусствъ, Жюль Симонъ, призвалъ къ себѣ Крессона, уединился съ нимъ въ дальній уголъ комнаты, тщательно осмотрѣлся кругомъ и, убѣдившись, что никто ихъ не услышитъ, сказалъ ему:

— Я хочу довѣрить вамъ государственную тайну, правда, очень небольшую, но все же не лишнюю важности. Я очень смущенъ, очень испуганъ и встревоженъ. Бомбардированіе города усиливается, разрастается. Бомбы могутъ достать и до Лувра. Рано или поздно пруссаки могутъ овладѣть Парижемъ, и тогда что насъ ожидаетъ?

Если такое несчастье поразитъ насъ, то что можетъ случиться съ французскими чудесами искусства? Нѣкоторыя изъ нихъ, и даже довольно значительное число, я уже припряталъ. Но у меня на рукахъ остается еще одна статуя, самая драгоценнѣйшая вещь во всемъ Луврѣ. Она должна быть охранена отъ разрушенія, и въ то же время мы ни за что на свѣтѣ не можемъ лишиться ея. Ищите, рѣшайте, устраивайте все. Завтра въ полночь вы найдете мою кладь, погруженную на фургонъ, который будетъ стоять во дворѣ Лувра, и я самолично передамъ вамъ эту кладь.

Крессонъ выслушалъ министра, сказалъ ему, что онъ все подготовитъ къ назначенному времени, и откланялся. Онъ сталъ обдумывать, какимъ способомъ ему лучше всего будетъ вывести драгоценную кладь со двора Лувра и куда ее схоронить? Первая мысль, какая ему пришла въ голову, была комедія похоронной процессіи. Можно было вывести статую со двора Лувра на катафалкѣ, отвезти ее на одно изъ кладбищъ и тамъ зарыть поглубже, въ надежномъ склепѣ, заранѣе приготовленномъ для этой цѣли. Но когда онъ обдумалъ всѣ подробности, онъ бросилъ этотъ планъ. Въ самомъ дѣлѣ, похороны, если бы придавать имъ болѣе или менѣе секрет-

ную обстановку, возбудили бы слишкомъ много празднаго любопытства, а такое любопытство въ то тревожное время было очень опасно. Съ другой стороны, если бы производить похороны обычнымъ порядкомъ, то есть совершенно открыто, то предстояла весьма хлопотливая возня съ выдумываніемъ имени покойника, занесеніемъ его въ разные церковныя, полицейскіе и кладбищенскіе списки, и т. д. Сверхъ того, совершенно необычайный вѣсь «покойника» и ни съ чѣмъ несообразная массивность гроба опять-таки вызвали бы толки, догадки, подозрѣнія, словомъ, подняли бы на ноги живое любопытство парижанъ. А тутъ какъ разъ именно дѣло и шло о томъ, чтобы лишить это назойливое любопытство всякой пищи. Такимъ образомъ, этотъ планъ былъ брошенъ.

Между тѣмъ, время шло и надо было предпринять какое-либо рѣшеніе. Крессонъ рѣшилъ отыскать прежде всего надежное временное убѣжище для статуи. Здѣсь она должна была оставаться, по возможности весьма недолгое время, въ полной безопасности и въ полной тайнѣ до тѣхъ поръ, пока для нея не будетъ найдено и приготовлено вполне подходящее мѣсто для долговременнаго храненія. Поразмысливъ, Крессонъ призвалъ къ себѣ Діэ, архитектора больницы «Hotel-Dieu», находящейся рядомъ съ полицейскою префектурой. Онъ сказалъ ему, что требуется найти очень надежное помѣщеніе для временнаго сохраненія чрезвычайно важныхъ и цѣнныхъ историческихъ документовъ. Что это помѣщеніе должно быть найдено въ подвалахъ новыхъ построекъ больницы «Hotel-Dieu», которыя въ то время возводились подъ наблюдениемъ Діэ.

Работа на этихъ постройкахъ была тогда временно приостановлена, и остановилась какъ разъ на возведеніи подземныхъ частей, служавшихъ для помѣщенія калориферовъ. Крессонъ, напомнилъ Діэ о недавнихъ поджогахъ произведенныхъ въ архивѣ тайной полиціи, о томъ, что тогда въ пламени погибло весьма много многоцѣнныхъ документовъ и что такъ какъ поджогъ можетъ повториться, то онъ рѣшилъ отобрать изъ архива префектуры самые важные историческіе документы, запаковать ихъ въ ящики и спрятать. А для этого ему нужно особенно, вполне надежное помѣщеніе, по возможности гдѣ-нибудь подъ землею и защищенное такими сводами, которые могли бы противостоятъ и прусскимъ бомбамъ, и самому опустошительному пожару. Крессонъ поручалъ Діэ отыскать такое мѣсто и показать его для тщательнаго осмотра ему, Крессону. Въ случаѣ на-

добности, на избранномъ мѣстѣ могли быть возведены какія угодно сооруженія, причемъ Діэ не долженъ былъ стѣсняться въ средствахъ. Главное же, что Крессонъ особенно рекомендовалъ архитектору, это была усиленная поспѣшность работъ; время не терпѣло и нельзя было терять ни одной минуты.

При наступленіи ночи были вытребованы лошади для того чтобы привезти нужный экипажъ во дворъ Лувра. Здѣсь лошади были выпряжены и отправлены во-свои въ мѣстѣ съ кучерами. Послѣ того были вытребованы лошади изъ другого мѣста. Ихъ конюхи были отпущены назадъ у воротъ Лувра, а лошадей впрягли въ экипажъ на дворъ Лувра свои надежные люди, на которыхъ можно было положиться. Обязанность проводника принялъ на себя дѣлопроизводитель префектуры Шоппенъ, а правилъ лошадьми надежный городской. Ровно въ полночь Крессонъ явился во дворъ Лувра, гдѣ его уже дожидался Жюль Симонъ. Министръ передалъ префекту драгоцѣнную кладъ и она двинулась изъ Лувра въ казарму муниципальной гвардіи. Не болѣе какъ черезъ полчаса статуя уже покоилась на избранномъ мѣстѣ во дворѣ казармы, который былъ тотчасъ же замкнутъ и огражденъ часовыми. Крессонъ немедленно далъ знать Симону, что все обошлось благополучно.

Между тѣмъ архитекторъ Діэ скоро выбралъ подходящее мѣсто въ подземельяхъ возводимыхъ имъ построекъ больницы «Hotel Dieu». Крессонъ тотчасъ же посѣтилъ избранное мѣсто. Оно представляло собою довольно просторную яму, окруженную весьма основательными стѣнами. Яма эта предназначалась для дѣстницы будущаго зданія. Тутъ можно было свободно помѣстить ящикъ съ статуей и наглухо задѣлать его кирпичною кладкою. Вся эта работа легко могла пріобрѣсти внѣшній видъ большого калорифера, предназначеннаго для отопленія возводимаго зданія. Крессонъ и Діэ порѣшили поставить ящикъ въ центрѣ этой ямы и прикрыть его толстѣйшимъ сводомъ изъ кирпичной кладки, а надъ этимъ сводомъ, нѣсколько отступя отъ него, вывести новый сводъ столь же солидный постройки. Такимъ образомъ, получились бы двѣ камеры: внутренняя для хранения ящика со статуей и наружная, въ которую можно было помѣстить цѣлую груду разныхъ архивныхъ драгоцѣнностей. Все это такъ и было исполнено, причемъ, несмотря на всевозможную поспѣшность, работы по сооруженію камеръ все же потребовали нѣсколько дней.

Когда все было готово, приступили съ соблюденіемъ величайшихъ предо-

сторожностей, къ водворенію статуи на мѣстѣ ея храненія. Лошади для перевозки были взяты изъ префектуры и въ передвиженіи драгоцѣнностей кледи участвовало лишь необходимое количество людей, навѣрность которыхъ можно было вполне положиться. При маломъ числѣ людей все это представляло весьма большія затрудненія, и однако же, все было выполнено вполне удачно и благополучно. Ящикъ былъ спущенъ во внутреннюю камеру и такъ ловко заставленъ кругомъ множествомъ ящиковъ съ архивными документами, что каменщики, которые потомъ задѣлывали отверстіе, не имѣли возможности

даже составить себѣ понятія о томъ, что такое находится въ этой таинственной камерѣ.

28-го іюня 1871 года въ присутствіи чиновъ министерства искусствъ, представителей управленія луврскаго музея и архитектора Діэ камеры, хранившія сокровище Лувра, были вскрыты. Ящикъ со статуей оказался совершенно цѣлымъ и не тронутымъ и статуя въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она находилась, раньше, до заключенія въ тайникъ, была вновь водружена на ея луврскомъ пьедесталѣ.

Фабрикація денегъ въ осажденномъ городѣ.

(Изъ англо-бургкой войны).

Во времена знаменитой осады Мѣфкинга, длившейся дольше, чѣмъ предполагалось, англійскій гарнизонъ испытывалъ иногда недостатокъ въ свѣстныхъ припасахъ.

Время отъ времени ихъ удавалось раздобыть въ такомъ количествѣ, чтобы люди не умирали съ голода.

Но у нихъ были еще разныя другія потребности, которыя не поддавались удовлетворенію путемъ обыкновенна цѣнностей.

Такой способъ свойственъ первобытнымъ дикарямъ, а въ Мѣфкингѣ застряли просвѣщенные мореплаватели.

Ими начальствовалъ полковникъ Бодень Поуэль, который тоже ощущалъ недостатокъ въ золотой монетѣ.

И бравому полковнику пришлось въ голову выпустить въ обращеніе самодѣльные бумажные деньги.

Начальникъ англійскаго гарнизона былъ вполне увѣренъ, что по снятіи осады его не обвинять въ изготовленіи фальшивыхъ бумажекъ: онѣ предназначались только для обращенія въ осажденномъ городѣ.

Въ немъ, конечно, не нашлось тѣхъ средствъ, какими располагаетъ экспедиція заготовленія государ-

ИЗЪ «КИТАЙСКАГО ПОХОДА».

Группа европейскихъ офицеровъ на улицѣ Пекина.

ственныхъ бумагъ; да этого и не требовалось: стоило лишь воспользоваться услугами фотографій съ соблюденіемъ кое-какихъ секретовъ, дабы въ осажденномъ Мэфкингѣ не нашлось другихъ охотниковъ присваивать себѣ права и имущества, принадлежащія одному только государству.

Но начальникъ осажденного гарнизона можетъ смѣло повторить слова Людовика XIV: «Государство — это я!»

И фабрикація началась.

Къ несчастью, англичане не имѣли въ своемъ распоряженіи обыкновенной бумаги, употребляемой въ фотографіи и своею чувствительностью къ свѣту обязанной солямъ серебра.

Пришлось довольствоваться другою бумагой, употребляемой обыкновенно копировщиками плановъ и рисунковъ, изготовляемыхъ для промышленныхъ цѣлей.

Поэтому у англичанъ получились некрасивыя деньги, отпечатанныя голубою краской.

Но жителямъ осажденного города и его гарнизону было не до эстетики, и некрасивыя деньги такъ-же бойко переходили изъ рукъ въ руки, какъ и красивыя.

Среди осажденныхъ въ Мэфкингѣ находился нѣкій англичанинъ Россъ, и раньше занимавшійся любительской фотографіей.

Полковникъ Боденъ Поуэль воспользовался его опытностью и сдѣлалъ его чѣмъ-то вродѣ управляющаго экспедиціей заготовленія государственныхъ бумагъ.

По снятіи осады Россъ вернулся въ Англію, и не улизнулъ отъ интервьюеровъ и долженъ былъ изложить имъ свою дѣятельность, описаніе которой появилось потомъ въ журналѣ «Photography».

Кромѣ воинскихъ доблестей, полковникъ Боденъ Поуэль оказался еще надѣленнымъ и способностью къ рисованію.

Это ему теперь пригодилось, и онъ собственноручно изготовилъ виньетку, долженствовавшую украсить собою лицевую сторону Мэфкингскихъ бумажныхъ денегъ.

Эта винетка была маленькимъ шедевромъ символизма, какъ оно и подобаетъ изображенію, фигурирующему на государственныхъ бумагахъ.

Въ центрѣ винетки помѣщалась пушка системы Гоцеръ носившая у солдатъ названіе «Wolf».

Она была изготовлена желѣзно-

дорожными рабочими Мэфкинга частью изъ мѣди, а частью изъ стали.

Около пушки виднѣлись разрывные снаряды, тоже изготовленные частными лицами.

Надъ пушкой развѣвается знамя «Union Jack», а подъ нимъ, гордо выпрямившись и вызываясь глядя передъ собою, стоитъ солдатикъ въ формѣ полка, выставленнаго Протекторатомъ.

Подлѣ этого защитника Родезіи пріютилась молодая женщина съ ребенкомъ на рукахъ; своею внѣшностью и позою она должна была изображать населеніе Мэфкинга, претерпѣвавшее разныя лишенія, но

ЖЕРТВЫ ОЗВѢРѢВШИХЪ ТУРОКЪ.

Армянская женщина.

нашедшее себѣ бравыхъ защитниковъ.

Къ числу ихъ принадлежалъ и англійскій доброволецъ, стрѣлявшій въ непріятеля изъ-за груды мѣшковъ, набитыхъ, должно-быть, землею.

Но Мэфкингскому отдѣленію Англійскаго банка грозила опасность.

Всѣ имѣвшіеся подъ рукою «проявители» были уже употреблены, и дальнѣйшая работа становилась невозможной.

Нашелся, однакоже, ловкій курьеръ изъ туземцевъ, которому удалось выбраться изъ Мэфкинга и потомъ вернуться обратно въ осажден-

ный городъ съ нѣкоторымъ количествомъ проявляющихъ веществъ.

И работа снова закипѣла при благосклонномъ содѣйствіи ярко свѣтившаго южно-африканскаго солнца, равнодушно взираващаго и на буровъ и на англичанъ.

При помощи фотографіи были также изготовлены и почтовые марки.

На банковыхъ билетахъ въ 1 фунтъ стерлинговъ значилось, что по окончаніи осады они будутъ оплачены золотомъ.

Но по сіе время ни одинъ изъ билетовъ этого достоинства не былъ еще предъявленъ къ оплатѣ.

Надо полагать, что они сохраняются своими владѣльцами какъ воспоминаніе о пережитыхъ ужасахъ.

НАРОДНАЯ ЛЕГЕНДА О СУВОРОВѢ.

«Во дремучемъ лѣсу, среди болотъ, лежитъ огромная каменная глыба съ пещерою внутри; ходъ въ нее изъ-подъ болота.

Дурная слава про это мѣсто: тамъ блуждаютъ синіе огоньки, носятся блѣдныя тѣни, слышатся тоскливые, жалобные стоны, филинъ не пролетаетъ надъ сѣдымъ мшистымъ камнемъ, волкъ на немъ не воетъ, крестьянинъ, невзначай сюда попавшій обходитъ дикое мѣсто, кладя на себя крестное знаменіе.

Всегда здѣсь тихо и мертво; только воронъ каркаетъ по временамъ надъ каменной глыбой, да вьется хищный орелъ, успокаивая клектомъ своимъ старца, почивающаго неземнымъ сномъ въ пещерѣ, внутри камня.

Черезъ малое отверстіе брезжитъ оттуда слабый свѣтъ неугасаемой лампы, да доносится глухое замогильное поминовеніе князю, рабу Божию Александру.

Въ глубинѣ скалы спитъ самъ лѣдушка, склонивъ сѣдую голову на уступъ камня; давно онъ спитъ и долго спать будетъ.

Только тогда, когда покроется русская земля кровью боевому коню по шиколотку, проснется великій русскій воинъ, выйдетъ изъ своей усыпальницы и избавитъ отечество отъ лютой невзгоды».

Защитники Свято-Троицкой Сергиевой Лавры въ 1608 г. Картина проф. В. П. Верещагина.

Осада Лавры тушинцами началась 23 сентября 1608 года. Въ этотъ день къ ней подошелъ со своимъ 30.000 войскомъ польскій воевода Сапѣга.

Его армію составляли кромѣ поляковъ литовцы, угры, казаки (подъ предводительствомъ Лисовскаго) и русскіе измѣнники.

Сапѣга съ главными силами всталъ на Дмитровской дорогѣ, а Лисовскій со своими казаками — между Московской и Александровской дорогами, у такъ называемой Тереньевской роши.

Вскорѣ были подвезены приспособленія для штурма — «лазны» (лѣстницы), «тарасы» или «турусы» (подвижные щиты на колесахъ) — и началась правильная осада Лавры съ приготовленіями къ приступу.

Положеніе Лавры было тяжелое.

Селенія кругомъ были выжжены, а крестьяне изъ нихъ укрылись со своими пожитками и припасами въ монастырскихъ стѣнахъ, вслѣдствіе чего въ Лаврѣ сдѣлалась «великая тѣснота».

А между тѣмъ защитниковъ, т.-е. людей, способныхъ къ ратному дѣлу, въ Лаврѣ было немного — не свыше 3000 чел.

Въ ихъ числѣ было нѣсколько десятковъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, нѣсколько сотенъ стрѣльцовъ и казаковъ.

Остальные защитники были монахи и монастырскіе служки, волею судьбы смѣнившіе крестъ на мечъ, а также и крестьяне, способные носить оружіе.

Начальство надъ лаврскимъ гарнизономъ приняли князь Григорій Борисовичъ Долгоруковъ и его товарищъ дворянинъ А. С. Голохвостовъ.

Душою защиты былъ архимандритъ Троице-Сергиевской Лавры Іоасафъ, внушавшій защитникамъ рвеніе и бодрость и увѣщавшій ихъ служить на-крѣпко православной вѣрѣ.

3 октября осаждающіе впервые открыли огонь по Лаврѣ. Съ этого дня Троице-Сергиева Лавра въ теченіе долгихъ 16 мѣсяцевъ не переставала испытывать всевозможныя страданія

и бѣдствія. 13 октября тушинцы пошли въ первый разъ на приступъ.

Осажденные лили на нихъ съ башенъ кипяченую смолу, бросали негашеную известь и кидали «козы съ огнемъ», т.-е. кувшины съ порохомъ.

Въ отраженіи непріятеля принимали участіе даже женщины — казачьи и крестьянскія жены.

Приступъ былъ отбитъ, и осажденные, произведя затѣмъ удачную вылазку, отобрали и изрубили на дрова вражескіе «лазны» и «турусы на колесахъ».

Дальнѣйшая исторія осады монастыря исполнена всевозможныхъ страданій его защитниковъ и — съ другой стороны — великихъ подвиговъ храбрости и самопожертвованія.

Вслѣдствіе тѣсноты и недостатка припасовъ, начались моровыя болѣзни, уносившія чуть-ли не болѣе жертвъ, чѣмъ ядра и стрѣлы тушинцевъ.

Наступившіе страшные холода жестоко мучили осажденныхъ. На топливо были изрублены всѣ кровли, сѣни, чуланы.

За топливомъ ратные люди устраивали вылазки, и, по словамъ лѣтописца, каждая вязанка хвороста была полита человѣческой кровью.

Осаждающіе громили обитель изъ пушекъ, сотрясали ея стѣны стѣнобойными снарядами, убивали ея защитниковъ стрѣлами и пулями.

Каждый день защитники выходили на вылазку и бились грудъ съ грудью съ тушинцами, а по ночамъ служили непрерывные молебны св. Сергію Радонежскому.

Многіе, смертельно раненные защитники принимали передъ кончиной иноческій чинъ. Послѣ каждого боя несли въ Троицкій Соборъ умиравшихъ воиновъ, и тамъ они посвящались въ иночество.

Одинъ изъ такихъ эпизодовъ изображаетъ знаменитая картина В. П. Верещагина — «Осада Троице-Сергиевой Лавры», находящаяся въ Русскомъ Музеѣ Императора Александра III въ Петроградѣ.

ПАНОРАМА ВОИНЫ.

I.

Несмотря на то, что главную квартиру императора старались устраивать въ удобныхъ и спокойныхъ пунктахъ, вдали отъ грохота пушекъ и свѣта прожекторовъ, Вильгельмъ почти не смыкаетъ глазъ. По нѣсколько разъ въ ночь соскакивать онъ съ постели и будить свою свиту, неожиданно появляясь передъ ней, какъ призракъ, закутаннымъ въ длинный плащъ.

Безсонныя ночи императора доставляютъ не мало огорченій и окружающимъ его, такъ какъ кайзеръ ищетъ утѣхи въ собственномъ краснорѣчии. Свѣтъ приходится цѣ-

съ нимъ Бисмаркъ-сынъ и Мольтке — племянникъ фельдмаршала, нынѣ начальникъ генеральнаго штаба. Тутъ же стояли великій князь Владиміръ Александровичъ и нѣсколько нашихъ генераловъ. Вильгельмъ, стараясь говорить по-русски, указывая на Бисмарка и Мольтке и вспоминая стариковъ, сказалъ: «То были старые дубы, а это молодыя дубины»...

III.

Въ разсказѣ Глѣба Успенскаго «Выпрямила» сельскій учитель Тянушкинъ возмущается при одной мысли о томъ, что пруссаки могли бомбардировать Лувръ и повредить

ВОЙНА И ДѢТИ.

ВОЙНА. Съ картины Ф. Клегаса.

лая ночи напролетъ слушать, какъ онъ ораторствуетъ, принимая наполеоновскія позы.

II.

Сотрудникъ «Биржев. Вѣд.» печатаетъ свои личныя воспоминанія о пребываніи въ Россіи на маневрахъ въ 1889 году императора Вильгельма II.

Дождь пересталъ и выглянуло солнце. Въ ожиданіи высочайшаго завтрака, предложеннаго на открытомъ воздухѣ, начальствующія лица, разбившіяся по группамъ на шоссе, громко бесѣдовали. Въ одной изъ нихъ стоялъ Вильгельмъ, а рядомъ

Венеру Милосскую. «Представить себѣ, что какой-то кусокъ чугуна, пущенный дуракомъ, наѣвшимъ гороховой колбасы, могъ бы раздробить это въ мелкія дребезги, мнѣ казалось такимъ злодѣйствомъ, за которое нельзя отомстить всѣми жестокостями, изобрѣтенными на свѣтѣ... Какіе подлецы! Еле-еле доуважаютъ до гороховой колбасы и смѣютъ!»

VI.

Извѣстный датскій коммерсантъ, только что возвратившійся изъ Берлина въ Копенгагенъ, рассказыва-

етъ объ ужасной встрѣчѣ на своемъ пути.

На одной желѣзнодорожной станціи поѣздъ, въ которомъ онъ находился, чрезвычайно долго стоялъ.

Ожидали прихода экстреннаго поѣзда, который, наконецъ, подъѣхалъ къ станціи.

Онъ прибылъ съ западной границы и былъ необычайной длины.

Оказалось, что этотъ поѣздъ былъ весь наполненъ исключительно мертвыми нѣмецкими солдатами.

Мертвецы наполняли всѣ вагоны, они были наложены другъ на друга, словно туши скота, до самой крыши.

Зрѣлище было ужасающее. Съ нѣкоторыми путешественниками, находившимися въ одномъ поѣздѣ съ коммерсантомъ, сдѣлался глубокой обморокъ.

V.

Нѣкій американецъ сообщаетъ въ своемъ письмѣ, что въ концѣ іюня онъ видѣлся съ германскимъ посломъ въ Вашингтонѣ, графомъ Бернсдорфомъ. На вопросъ, какія условія мира удовлетворяютъ Германию, если она побѣдитъ Францію, Бернсдорфъ указалъ слѣдующія: 1) Всѣ французскія колоніи, включая Алжиръ, Марокко и Тунисъ переходятъ къ Германіи. 2) Германія же получаетъ французскую территорію отъ ст. Валери, Соммъ и Амьена до Ліона, т. е. четверть всей Франціи съ 15 мил. жителей. 3) Конtribusi въ 10 милліардовъ франковъ. 4) Торговый договоръ, обезпечивающій беспошлинный ввозъ во Францію цѣлага ряда нѣмецкихъ товаровъ. 5) Франція лишается права осуществлять воинскую повинность въ теченіе 25 лѣтъ. 6) Всѣ французскія крѣпости должны быть срыты. 7) Франція сдаетъ Германіи 3 мил. ружей и 3000 пушекъ. 8) Германцы должны пользоваться во Франціи особымъ преимуществомъ въ области патентнаго права. 9) Франція выходитъ изъ состава тройственнаго согласія. 10) Франція заключаетъ союзный договоръ съ Германіей на 25 лѣтъ.

Графъ Бернсдорфъ далѣе добавилъ, что Францію надлежитъ низвести на степень Португаліи или Турціи, хотя бы для этого и пришлось убить 5 мил. французовъ.

КАРТИНКИ ЗИМНЕЙ КАМПАНИ 1914—1915 г.

Въ окопѣ у бойницъ.

Пляска подъ гармошку.

РУССКІЙ ХАРАКТЕРЪ.

Во время нашествія Наполеона I на Россію въ 1812 году, при одной рекогносцировкѣ, французамъ попался въ руки одинъ русскій мужичекъ, который и былъ представленъ императору.

Наполеонъ черезъ переводчика предложилъ ему нѣсколько вопросовъ о мѣстности и потомъ сталъ разговаривать со свитою о полученныхъ отвѣтахъ.

Той порой мужикъ отошелъ въ сторону и стоялъ въ толпѣ адъютантовъ и ординарцевъ.

Одинъ изъ офицеровъ вздумалъ подшутить надъ нимъ и написалъ ему на рукѣ чернилами N.

Удивленный крестьянинъ долго

въ недоумѣніи смотрѣлъ на непонятную букву и наконецъ спросилъ черезъ переводчика, что она означаетъ.

Кто-то въ шутку отвѣтилъ ему:

— До сихъ поръ ты былъ подданнымъ царя Александра, а теперь ты сдѣлался рабомъ императора Наполеона, и именно черезъ эту букву.

Не говоря ни слова, мужикъ, почитавшій Наполеона за антихриста, вытащилъ изъ-за пояса топоръ, положилъ руку на пень и, однимъ взмахомъ отрубивъ себѣ кисть, бросилъ ее къ ногамъ офицера, съ такими словами, которыхъ переводчикъ изъ благоговѣнія къ императору даже не нашелся какъ перевести.

На Наполеона сцена эта произвела глубокое впечатлѣніе.

Н | Метаморфоза. | Н

Рота нѣмцевъ, найдя, что туманъ и мгла слишкомъ затрудняютъ передвиженіе, образовала пустое карѣ, внутри котораго помѣстила безоружныхъ плѣнныхъ французовъ. Затѣмъ, нѣмцы сложили ружья въ козлы и стали ждать, пока туманъ разсѣется, коротая время въ издѣвательствахъ надъ беззащитными плѣнными. Эти долго молчали. Но вдругъ, пользуясь минутой, французскій сержантъ вскочилъ на ноги и крикнулъ: «Хватай ружья, ребята!» Въ одно мгновеніе французы прорвали карѣ и схватили ружья. Капитанъ нѣмецкаго отряда и десятокъ солдатъ, пытавшихся оказать противодѣйствіе легли подъ ударами штыковъ. Остальные сдались. Тогда уже французы — плѣнные пять минутъ назадъ — образовали пустое карѣ, а внутри расположились безоружные нѣмцы.

Въ воронкѣ отъ германскаго снаряда.

Картошку варятъ.

А. ЛЕБЕДЕВЪ

Что-то мы получим?!

„20-й ВЪКЪ“

ЧИТАЙТЕ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО! ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДЫ
СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВОЕННЫЕ НОМЕРА ЖУРНАЛА.
Военные рассказы, очерки, рисунки, картины,
корреспонденции и т. д. == Цѣна 6 коп. ==